

ОДИССЕЙ

2009

Путешествие как историко-культурный феномен

Время и exempla

**Средневековые визионеры
и визионерская литература**

**Террор Ивана Грозного
в культурно-символической
интерпретации**

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
ОЕ-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор
А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА,
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ,
Жак Ле ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук И.Г. КОНОВАЛОВА,
доктор исторических наук С.И. ДАНЧЕНКО

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989–.

2009 : Путешествие как историко-культурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2010. – 000 с. – ISBN 978-5-02-037586-4.

Главная тема выпуска – феномен путешествий в разных культурах, его роль в социальной, интеллектуальной, религиозной и других сферах жизни. Представлены материалы о разных типах путешествий (паломничество, миссия, исследовательское путешествие), охватывающие период от античности до XX века. Обсуждаются вопросы межкультурных коммуникаций в ходе путешествия, статуса и образа путешественника в разных культурах, семантики и поэтики рассказов о путешествиях. Также в сборнике представлены статьи о времени в средневековых проповеднических притчах (exempla). Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей. О средневековых представлениях о страшном суде и другие материалы. Публикуются рецензии на новые издания по истории, вышедшие в России и за рубежом.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов в области гуманитарного знания и более широкой аудитории.

По сети “Академкнига”

ISBN 978-5-02-037586-4

- © Институт всеобщей истории РАН, 2010
- © Лучицкая С.И., составление, 2010
- © Коллектив авторов, 2010
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания, 2010)
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕР

А.В. Толстиков, О.Е. Кошелева

НОМО VIATOR.....

А.В. Подосинов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АНТИЧНОЙ ОЙКУМЕНЕ: О ПРИНЦИПАХ ОРГАНИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ В “ХОРОГРАФИИ” ПОМПОНИЯ МЕЛЫ .....

Ф.Д. Прокофьев

PEREGRINATIO В ОКЕАНЕ: АЛЛЕГОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ В “ПЛАВАНИИ СВЯТОГО БРЕНДАНА” .....

Т.Н. Джаксон

ХОЛЬМГАРДСФАРИ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО .....

С.И. Лучичкая

ПУТЕШЕСТВИЕ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В XII–XIII вв.: ОЧЕРК ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ .....

О.И. Тогоева

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МИССИЯ В ЭПОПЕЕ ЖАННЫХ Д’АРК.....

А.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ” И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг. ....

С.Е. Федоров

“УВИДЕТЬ ПАРИЖ И...”: ПУТЕВВЫЕ ЗАМЕТКИ ЮНОГО АНГЛИЧАНИНА .....

А.В. Лазарев

ПАРИЖ ИНОСТРАНЦЕВ ЭПОХИ ARS ARODEMICA (1570–1670).....

М.В. Лескинен

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОДНОЙ СТРАНЕ: ОПИСАНИЕ КАК СПОСОБ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ. ФИНЛЯНДИЯ И ФИННЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ З. ТОПЕЛИУСА .....

Г.П. Мельников

“ИЗ ЧЕХИИ АЖ НА КРАЙ СВЕТА”: ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕНЦИИ МАЛОГО НАРОДА .....

К.А. Левинсон

ОБ ОДНОЙ ВЫПАВШЕЙ СТРАНИЦЕ ЧЕЛЮСКИНСКОЙ ЭПОПЕИ..

А.В. Толстиков

ИСПЫТАНИЕ ТЕРПЕНИЯ: ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОКЛЮЧЕ-
НИЙ ШВЕДСКОГО ПОСОЛЬСТВА В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XVI в...

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

ПИСЬМО В.Я. ПРОППА И.П. ЕРЕМИНУ О “ПОВЕСТИ ВРЕМЕН-
НЫХ ЛЕТ” (*Предисловие и публикация Б.С. Кагановича*).....

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ. ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ НА ЗАСЕ-
ДАНИИ СЕКТОРА ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ В ИНСТИТУТЕ
ИСТОРИИ АН СССР, 1949 г. (*Предисловие и публикация А.Р. Горяинова*) ..

И.Г. Галкова

СОН РАЗУМА.....

Ю.П. Зарецкий

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТУЗЕМЦА .....

К.А. Левинсон

ПОЧЕМУ Я НЕ КОММЕНТАТОР.....

И.Г. Галкова

О ТУЗЕМНОМ НАСЛЕДСТВЕ.....

О.Е. Кошелева

ДОКЛАД Н.А. СИДОРОВОЙ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙ-
СКОГО.....

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ж.-К. Шмитт

ЕХЕМРЛА И ВРЕМЯ (*перевод с французского И.Г. Галковой*).....

М.РН Майзульс

РЕАЛЬНОСТЬ СИМВОЛА И СИМВОЛ РЕАЛЬНОСТИ В ВИЗИОНЕР-
СКОМ ОПЫТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ .....

РЕЦЕНЗИИ

К.Ю. Ерусалимский

МЕЖДУ КАНОНИЗИРОВАННЫМИ И ДЕМОНИЗИРОВАННЫМИ:
ТЕРРОР ИВАНА ГРОЗНОГО В КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ (*рассуждения над книгой А.А. Булычева*)

<i>Булычёв А.А.</i> Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
“ОЧИСТИТЕЛЬНЫЙ ОГОНЬ” В СРЕДНЕВЕКОВОМ НЕМЕЦКОМ ИСКУССТВЕ.....	
<i>Вегман С.</i> На пути к небу. “Очистительный огонь” в немецком средневековом искусстве. Кёльн; Веймар; Вена, 2003.....	
<i>С.И. Лучицкая</i>	
СЛОВО-ОБРАЗ-ТЕКСТ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ	
<i>Кургиманн М.</i> Слово-образ-текст. Исследования о медиальности в высокое Средневековье и раннее Новое время. Баден-Баден, 2006–2007. Т. 1–2	
<i>М.Ю. Парамонова</i>	
НОВАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, НАПИСАННАЯ ИСТОРИКОМ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
<i>Боргольте М.</i> Христиане, иудеи и мусульмане. Наследие Античности и подъем Запада. 300–1400 гг. Мюнхен, 2006.....	
SUMMARIES.....	
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	

CONTENTS

TRAVEL AS CULTURAL AND HISTORICAL PHENOMENON

A.V. Tolstikov, O.Ye. Kosheleva

HOMO VIATOR .....

A.V. Podossinov

TRAVELLING THE ANCIENT ECUMENE: THE STRUCTURE
PRINCIPLES OF GEOGRAPHICAL DESCRIPTION IN POMPONIOUS
MELA'S *DE CHOROGRAPHIA*.....

F.V. Prokofiev

ALLEGORY AND REALITY IN *NAVIGATIO SANCTI BRENDANI*.....

T.N. Jackson

THE TRAVEL FORMULA' OF ICELANDIC SAGAS.....

S.I. Luchitskaya

TRAVELLING TO THE HOLY LAND IN THE TWELFTH AND
THIRTEENTH CENTURIES: A STUDY IN THE HISTORY
OF EVERYDAY LIFE .....

C.I. Togoeva

TRAVEL AS MISSION IN THE JOAN OF ARC EPIC .....

L.A. Pimenova

THE TRAVELER, THE 'PHILOSOPHERS' AND THE 'GOOD SAVAGES':
JEAN-FRANÇOIS DE LA PÉROUSE'S EXPEDITION OF 1785–1788....

S.Ye. Fyodorov

"TO SEE PARIS AND...": A YOUNG ENGLISHMAN'S TRAVEL
DIARY.....

A.B. Lazarev

PARIS AS VIEWED BY FOREIGNERS IN THE TIME OF *ARS*
APODEMICA (1570–1640) .....

M.V. Leskinen

TRAVELLING THROUGH ONE'S OWN HOME COUNTRY:
DESCRIPTION AS A MEANS OF REPRESENTING THE NATION.
FINLAND AND THE FINNS AS DEPICTED BY ZACHARIAS
TOPELIUS .....

G.P. Melnikov

'FROM BOHEMIA TO THE ENDS OF THE EARTH'? A SMALL
NATION'S GLOBAL INTENTIONS.....

K.A. Levinson

A LOST PAGE OF THE *CHELYUSKIN* EPIC .....

A.V. Tolstikov

A TEST OF PATIENCE: A POETICAL DESCRIPTION OF THE
TRIBUTATIONS SUFFERED BY A MID-SEVENTEENTH CENTURY
SWEDISH EMBASSY TO RUSSIA .....

HISTORIAN AND TIME

VLADIMIR PROPP'S LETTER TO IGOR YEREMIN (*B.S. Kaganovich's
publication*) .....

ON TRADITIONALISM. PAPER PRESENTED BY NINA SIDOROVA
AT A MEETING OF THE DEPARTMENT OF THE HISTORY OF THE
MIDDLE AGES, INSTITUTE OF HISTORY, ACADEMY OF SCIENCES
OF THE USSR, IN 1949 (*Publication and introduction by A.N. Gorvainov*)

I.G. Galkova

THE SLEEP OF REASON .....

Yu.P. Zaretskiy

FROM THE NATIVE POINT OF VIEW.....

K.A. Levinson

WHY I AM NOT TO COMMENT ON THIS .....

I.G. Galkova

ON NATIVE HERITAGE .....

O.Ye. Kosheleva

NINA SIDOROVA'S PAPER AND THE HISTORY OF THE RUSSIAN
STATE.....

THE RELIGIOUS CULTURE OF THE MIDDLE AGES

J.-C. Schmitt

EXEMPLA AND TIME.....

M.R. Maizuls

THE REALITY OF SYMBOL AND THE SYMBOL OF REALITY
IN THE VISIONARY EXPERIENCE OF THE MIDDLE AGES .....

REVIEWS

K.Yu. Yerusalimskiy

CANONIZED OR DEMONIZED: IVAN THE TERRIBLE'S TERROR
AS INTERPRETED IN TERMS OF CULTURAL SYMBOLS .....

Bulychov A.A. Between saints and demons. Notes on the postmortem fate
of persons persecuted by Ivan the Terrible. Moscow, 2005.....

S.I. Luchitskaya

'THE PURIFYING FIRE' IN GERMAN ART

Wegmann S. Auf dem Wee zum Himmel. Das Fegefeuer in der deutschen Kunst
des Mittelalters. Köln – Weimar; Wien, 2003 .....

S.I. Luchitskaya

WORD–IMAGE–TEXT IN THE MEDIEVAL CULTURE

Curschmann M. Wort–Bild–Text. Studien zur Medialität des Literarischen
in Hochmittelalter und früher Neuzeit. 2. Bde. Baden-Baden, 2006–2007 .....

M.Yu. Paramonova

A HISTORY OF THE MIDDLE AGES WRITTEN BY A GLOBALIZATION
ERA HISTORIAN .....

Borgolte M. Christen, Juden, Muselmanen. Die Erben der Antike und
der Aufstieg des Abendlandes 300 bis 1400 nach Christus. München, 2006 .....

SUMMARIES.....

SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....

Л.А. Пименова

ПУТЕШЕСТВЕННИК, “ФИЛОСОФЫ”
И “ДОБРЫЕ ДИКАРИ”: ЭКСПЕДИЦИЯ
Ж.-Ф. ДЕ ЛАПЕРУЗА, 1785–1788 гг.

Экспедиция Жана-Франсуа де Гало де Лаперуза, отправившаяся в августе 1785 г. из Бреста на двух кораблях “Буссоли” и “Астролябия”, стала одним из самых ярких эпизодов истории географических открытий XVIII в. Она неординарна от начала и до конца. В ее подготовке непосредственное участие принимал лично король Людовик XVI, хотя биографы короля зачастую склонны преувеличивать эту роль: в частности, обычно они приписывают составление адресованных Лаперузу инструкций лично королю. Действительно, этот документ озаглавлен “Записка короля, призванная служить особой инструкцией г-ну Лаперузу”, но изначально его составил не монарх, а морской офицер Шарль-Пьер д’Эвре де Флёрё, с мнением которого король весьма считался (о чем может свидетельствовать то, что в 1790 г. Людовик XVI назначит его морским министром, а в 1791-м – воспитателем дофина). Затем король внимательно просмотрел инструкции, составленные Флёрё, и внес в них множество поправок, так что окончательный текст можно считать плодом их совместной работы. Во время экспедиции Людовик постоянно следил за ее ходом и читал все присылаемые Лаперузом отчеты. В его кабинете имелась карта с маршрутом экспедиции Лаперуза, и король наносил на нее рядом с изначально намеченным маршрутом тот, который в действительности проделали корабли, согласно полученным сведениям. А известия приходили регулярно вплоть до февраля 1788 г., когда экспедиция находилась на побережье Австралии в заливе Ботани-Бей. После того как связь с Лаперузом прервалась, уже во время Революции, в 1791 г., когда, казалось бы, думать надо было совсем о другом, по инициативе короля Учредительное собрание постановило снарядить два корабля “Поиск” (“Recherche”) и “Надежда” (“Espérance”) под командованием капитана Брюни д’Антрекасто на поиски пропавшей экспедиции Лаперуза. Экспедиция 1791 г. вернулась ни с чем. Трагический конец экспедиции Лаперуза долгое время оставался загадкой: обломки “Астролябии” нашёл Дюмон д’Юрвиль в 1827 г., а то, что осталось от “Буссоли”, которой командовал сам Лаперуз, было обнаружено лишь в 1964 г. Очевидно, оба корабля потерпели крушение на рифах Ваникоро, маленького островка архипелага Санта-Крус, который в то время еще не был известен и отсутствовал на картах¹.

Экспедиция Лаперуза хорошо документирована. Во-первых, существуют упомянутые выше инструкции, составленные Флёрё и исправленные королем. Во-вторых, сохранился путевой дневник Лаперуза. Оригинал дневника, который мореплаватель вел на борту “Буссоли”, погиб вместе с ним в кораблекрушении. Но всякий раз во время стоянок в портах, направляя морскому министру письма с отчетами, карты и рисунки, Лаперуз отсылал вместе с ними и копии очередных глав своего дневника², и так продолжалось вплоть до прибытия кораблей в Ботани-Бей. Дневник переиздавался многократно. Впервые он был издан по постановлению Исполнительной Директории в 1797 г.³ Публикацию осуществил Луи-Антуан Детуф, барон де Миле-Мюро, военный инженер и артиллерийский офицер, при Директории занимавший пост военного министра. Последние издания относятся к 1985 и 2005 гг.⁴ Современные издания, конечно, являются более точными и выверенными, но и старое, самое первое издание не утратило своего значения до сих пор, несмотря на ряд имеющихся в нем неточностей и купюр. При подготовке публикации Миле-Мюро имел доступ ко всем архивным документам и, помимо самого дневника (т. 2–3 издания Миле-Мюро), издал еще и документы о подготовке экспедиции (т. 1), официальные и частные письма как самого Лаперуза, так и некоторых других членов экспедиции (т. 4). Эти письма составляют третью основную группу документов, освещающих историю экспедиции Лаперуза. Из сопоставления всех этих источников вырисовывается весьма рельефная и многоплановая картина.

Путешествие было призвано исполнять многообразные функции. О них свидетельствуют заглавия пяти частей полученных Лаперузом инструкций: “План путешествия, или проект плаванья”, “Предметы, относящиеся к политике и торговле”, “Действия, относящиеся к астрономии, географии, навигации, физике и различным отраслям естественной истории”, “О поведении, коего следует держаться с уроженцами стран, куда будут заходить два фрегата”, “О мерах предосторожности ради сохранения здоровья экипажей”.

С одной стороны, маршрут и задачи экспедиции были распланы подробнейшим образом. С другой, – предписания не носили обязательного характера. По предложению самого короля, первая часть инструкций завершалась примечанием, что все указания относительно маршрута должны по ходу дела сообразовываться с обстоятельствами, состоянием экипажей и кораблей, наличием продовольствия. Здесь было прямо сказано: “Его величество, полагаясь, таким образом, на опыт и мудрость г-на Лаперуза, дозво-

ляет ему вносить изменения, кои он сочтет необходимыми, в случаях, кои не были предусмотрены”⁵.

Итак, первой, открыто провозглашенной целью экспедиции были научные открытия в области географии, этнографии, ботаники, медицины. Для ее обозначения официально использовалось такое понятие, как *путешествие с исследовательскими целями* (un voyage de découvertes), имеющее главной целью “расширение человеческих знаний”⁶. Только что (1783) закончилась Война за независимость североамериканских колоний. Конкуренция между Францией и Англией продолжалась мирными средствами, в том числе и не в последнюю очередь за международный престиж державы, передовой в деле науки и просвещения. Англия в этом отношении была явно впереди: за 1764–1780 гг. англичане совершили восемь путешествий на кораблях Адмиралтейства, французское правительство за эти годы организовало только две экспедиции (Л.-А. де Бугенвиля в 1766–1769 и И.-Ж. де Кергелена в 1771–1774 гг.); престиж Англии как морской державы особенно подняли плаванья Джеймса Кука. Лаперуз своим плаванием призван был продолжить дело Кука и если не затмить его славу, то, во всяком случае, стать с ним вровень. Исследовательская программа экспедиции Лаперуза была амбициозной и включала исследование западного побережья Северной Америки, восточного побережья Азии и прилегающих островов Японского и Охотского морей, островов Тихого океана (в частности, Соломоновых островов). То есть ему предписывалось обследовать те “белые пятна”, которые еще оставались на карте мира после плаваний Кука. Экспедиция получила обширную научную программу помимо географических открытий: предполагалось провести астрономические, ботанические, зоологические исследования. Для этого на борту имелись большая библиотека, множество приборов для научных исследований, были оборудованы лаборатории.

Королевские инструкции содержали также набросок большой программы того, что можно было бы назвать “этнологическими исследованиями”. Лаперузу предписывалось “изучать климат и всякого рода производство на различных островах океана, куда он будет подходить, узнавать нравы и обычаи местных уроженцев, их культ, форму правления, их способ ведения войны, их вооружение, их морские суда, особый характер каждого племени, что у них может быть общего с другими дикими нациями и с цивилизованными народами и, главным образом, что у каждого из них есть особенного. На тех островах, где уже побывали европейцы, он попытается узнать, различают ли местные жители посещавших их представителей разных наций, и постарается выяснить, какое

мнение сложилось у них о каждой в отдельности. Он посмотрит, как они используют различные товары, металлы, орудия, ткани и прочие предметы, завезенные к ним европейцами”⁷. Скажем сразу, выполнить эту программу до конца было нереально, особенно в части представлений аборигенов о разных европейских нациях, хотя бы просто в силу языкового барьера.

Четвертая, “гуманитарная” часть инструкций короля (“О поведении, коего следует держаться с уроженцами стран...”) вызвала, пожалуй, наибольшие споры среди историков. Биографы Людовика XVI склонны были расценивать ее как проявление свойственной королю филантропии⁸. Исследователи же собственно плавания Лаперуза видели в ней лишь заботу о безопасности участников экспедиции⁹. Представляется, что если внимательно и непредвзято прочесть эту часть инструкций, то вторая точка зрения выглядит более обоснованной. Стала уже знаменитой заключительная фраза этой главы инструкций: “Его величество сочтет за наисчастливейший успех экспедиции, если она сможет завершиться, не стоив жизни ни одному человеку”¹⁰. Ее обычно цитируют, говоря о гуманистических устремлениях короля. Но из контекста, в который она помещена (выше речь идет об ответственности Лаперуза за сохранность вверенных ему судов и за жизнь французских моряков) совершенно очевидно, что имеется в виду неохотливость беречь всеми средствами жизнь и здоровье членов экспедиции. Что же касается аборигенов, то Лаперузу предписывалось соблюдать все возможные меры предосторожности, никогда не терять бдительности, не сходить на берег вооруженными, но, в то же время, использовать “все честные способы, дабы установить связь с местными жителями”¹¹, и прибегать к силе только в случае крайней необходимости. Инструкция на сей счет вменяла в обязанность Лаперузу “предписать всем членам экипажей жить в добром согласии с местными обитателями, пытаться завоевать их дружбу добрым и уважительным обхождением и запретить им под страхом самых строгих наказаний употреблять силу, чтобы отнять у жителей то, что они откажутся уступить добровольно. Г-н де ла Перуз во всех случаях должен проявлять большую мягкость и человечность в отношении различных народов, коих он посетит в ходе своего путешествия”¹². Но эти требования проявлять человечность диктовались не абстрактными филантропическими принципами, а вполне прагматическими соображениями: мореплаватели попадут в непривычную для себя обстановку, окажутся в явном меньшинстве в окружении местного населения, и потому в их же интересах, чтобы это окружение было дружественным, а не враждебным. Надо сказать, что первое время сам Лаперуз разде-

лял такой подход и во всем следовал инструкциям. Более того, он был убежденным сторонником гуманного обращения с местным населением. Об этом говорит его поведение во время Войны за независимость Америки. В ходе кампании в Гудзоновом заливе в сентябре 1782 г. французы разрушили два английских форта, после чего командовавший одним из кораблей Лаперуз позаботился оставить оружие для обитавших в окрестностях индейцев-охотников. В донесении он так объяснил свой поступок: “Мы дали дикарям всё, что они хотели взять... человечность не позволяет мне оставаться равнодушным к их будущей судьбе...”¹³ Но впоследствии, как мы увидим, под воздействием трагических обстоятельств его тактика изменилась.

В то же время, французским мореплавателям полагалось нести “дикарям” блага европейской цивилизации и “употребить с усердием и заинтересованностью все средства, способные улучшить их состояние, снабдить их страны полезными овощами, фруктами и деревьями из Европы; научить их это сеять и выращивать; показать им, как использовать эти дары, призванные в изобилии произрастить плоды, необходимые народам, кои получают почти всю свою пищу от земли”¹⁴. Стоит отметить, что эта часть инструкций носила совершенно умозрительный характер и применить ее на практике редко удавалось: аборигены, с которыми пришлось столкнуться членам экспедиции Лаперуза, не только не занимались земледелием, но и вообще мало пользовались плодами земли, а питались, в основном, рыбой.

Помимо научно-исследовательских, экспедиция преследовала политические цели, обусловленные конкуренцией на морях, в первую очередь с Англией, и призвана была защищать военно-политические интересы Франции. Исходя из этих целей, Лаперуз должен был сообщать в морское министерство подробную информацию о заморских владениях других стран (Англии, Португалии, Голландии, России, Испании). В инструкциях особо оговаривалась необходимость изучить состояние португальских колоний (важность этой задачи была обусловлена тем, что Португалия являлась союзником Англии) на Мадейре и Сантьягу: выяснить, каковы там силы португальцев и как идет торговля этих колоний с разными странами, в первую очередь с Англией. Лаперузу также вменялось в обязанность разузнать, что происходит на острове Триндади: эвакуировались ли оттуда англичане и пришли ли на их место португальцы; поселились ли англичане в Новой Зеландии и что представляют собой их поселения. Ему следовало собрать сведения о положении голландцев на Молуккских островах, о проникновении туда англичан и о голландской колонии на мысе

Доброй Надежды. Кроме того, он должен был обследовать русские поселения и торговые фактории на Алеутских и других близлежащих островах, собрать сведения о мореплавании и торговле русских в этом регионе и установить, не проникли ли русские на американский континент. Несмотря на то что Испания, согласно Фамильному пакту (1761), была союзницей Франции, Лаперузу предписывалось собрать информацию об испанских колониях: о состоянии, силе и характере испанских поселений и торговли на северо-западном побережье Америки, на Марианских и прилегающих к ним островах; изучить возможности развития торговли пушниной между французами и индейцами в этом регионе; узнать, проникли ли испанцы на Каролинские острова.

С разведывательными были тесно связаны торговые цели экспедиции: конкуренция с Англией и защита торговых интересов Франции вызывали потребность в изучении перспектив китобойного промысла, торговли пушниной и основания французских торговых факторий. С целью развития китобойного промысла Лаперуз должен был выяснить возможности основания французских поселений на островах в южной части Атлантического океана. Ему также предписывалось оценить перспективы французских поселений, которые предполагалось создать на Курилах и островах вблизи Камчатки для торговли пушниной. Другой задачей, поставленной перед мореплавателем, было собрать подробную и точную информацию о нынешнем состоянии европейской торговли в Кантоне и изучить вопрос о развитии французской торговли с Японией и Китаем.

“В целом, на всех островах и во всех портах континентов, занятых или посещаемых европейцами, куда он будет заходить, он проведет с осторожностью и насколько это позволят обстоятельства и продолжительность пребывания, всевозможные расследования, чтобы детально разузнать о природе и размахе торговли каждой нации, наземных и морских силах, кои каждая там держит, возможных заинтересованных или дружеских отношениях между каждой из них и местными вождями и населением там, где имеются их поселения, и, в общем, обо всем, что может касаться интересов политики и торговли”¹⁵, – гласила королевская инструкция. Одним словом, если называть вещи своими именами, перед Лаперузом ставились разведывательные задачи, но при этом в полученных им инструкциях вопросы, касающиеся политики и торговли, стыдливо объявлялись как бы второстепенными по сравнению с научно-исследовательскими целями экспедиции. Они если и были поставлены, то лишь “с тем, чтобы экспедиция, снаряжённая по приказу его величества, содействуя совершенствованию геогра-

фии и расширению навигации, могла бы также осуществлять цели, намеченные в интересах короны и на пользу ее подданным”¹⁶.

Экспедиция, призванная послужить укреплению международного престижа Франции, готовилась с большим размахом. В королевских инструкциях она именовалась “одним из самых обширных предприятий, кои когда-либо были осуществлены”¹⁷. И это не пустые слова: общие расходы на её снаряжение составили 1 948 165 ливров¹⁸. Чтобы оценить величину этих расходов, можно сказать, что весь бюджет морского ведомства в 1788 г. составил 47 280 000 ливров.

История экспедиции Лаперуза – благодаря сохранившимся дневнику и письмам ее участников – дает пищу для размышлений о том, как путешествие открывало путь межкультурным контактам и как осмысление его опыта вело (или не вело) к трансформации привычной для его участников картины мира. В обширной литературе, посвященной экспедиции Лаперуза¹⁹, эта тема, как мне представляется, затронута в меньшей степени, чем история самого плавания и совершенных в ходе него географических открытий. Между тем, – перечисленные источники содержат богатейший материал на сей счет. Об этом и пойдёт речь далее.

XVIII в. был ознаменован тем, что в это время история не только стала, но и была осознана как всемирная. Такой универсализирующий взгляд на человеческую историю ярко проявился в знаменитом труде Вольтера “Опыт о нравах и духе народов” (1756). Дневник Лаперуза – это тоже отчасти “опыт о нравах и духе народов”: обязательным сюжетом на его страницах, посвященных местам, которые довелось посетить мореплавателю, является описание нравов и обычаев туземных народов.

Но это не просто описание, в них неоднократно – прямо или косвенно – поднимается одна из острейших и дискуссионных проблем общественной мысли XVIII в.: взаимоотношения *человека, природы и цивилизации*. Одной из самых популярных конструкций, созданных просветительской мыслью, был миф о “добром дикаре”. Многие философы-просветители, отвергая идею первоначального греха, исходили в своих построениях из представления об изначальной неиспорченности человеческой природы. Они утверждали, что человек по природе своей добр, а все пороки суть результаты дурного правления и неправильного общественного устройства. Отсюда следовало, что “природный”, “естественный” человек, “не испорченный цивилизацией”, являет собой образец доброты и нравственности. Другие мыслители возражали, полагая, что лишь прогресс цивилизации несет с собой совершенствование человеческой природы и нравственности. Споры на эту тему нача-

лись в середине века. Наиболее известным примером идеализации “естественного человека” в литературе может служить “Рассуждение о науках и искусствах” (1750) Жан-Жака Руссо. Вольтер, в целом не разделявший такой точки зрения и не раз весьма остроумно ее оспаривавший, все же отдал ей дань, создав образ “не испорченного цивилизацией” человека – индейца-гурона, прозванного Простодушным, – в одноименной повести (1767).

Споры особенно оживились после кругосветного путешествия Луи-Антуана де Бугенвиля (1766–1769). С одной стороны, сам Бугенвиль в опубликованном им “Путешествии вокруг света” (1771) заявлял, что увиденное окончательно убедило его в превосходстве европейской цивилизации. Так, описывая жителей Таити, Бугенвиль отмечал, что народ они доброжелательный, отличаются мягким нравом, их склонность к воровству умеряется робостью, но при этом война между туземцами ведется с крайней жестокостью²⁰. Таитяне представляют собой народ чрезвычайно ленивый во всех отношениях, как телесно, так и умственно; они привыкли жить исключительно в свое удовольствие: “Кажется, что для них малейшее размышление – это непосильный труд, и что умственных усилий они избегают еще больше, чем телесных”²¹. Но вопреки взглядам самого Бугенвиля, его путешествие способствовало популяризации мифа о “добром дикаре”. Из плавания он привез живого “добраго дикаря”, уроженца Таити по имени Аотуру, в котором просвещенные парижане увидели столь любезного им “естественного человека”, не отягощенного предрассудками, и Аотуру стал пользоваться бешеным успехом в аристократических салонах.

Дени Дидро обратился к опыту путешествия Бугенвиля, чтобы изложить на его примере принципы естественной морали. Один из персонажей его “Дополнения к Путешествию Бугенвиля” – европеец – восклицает: “Жизнь дикарей так проста, а наше общество – это такая сложная машина!”²² – и утверждает далее: “Я ручаюсь, что их варварство не так порочно, как наша учтивость”²³. Другой персонаж Дидро, старик-туземец, говорит Бугенвилю: “Ты, вожак разбойников, пусть твой корабль скорей оставит наши берега. Мы невинны, мы счастливы, а ты способен лишь разрушить наше счастье. Мы следуем чистому природному инстинкту, а ты пытаешься стереть его след в наших душах. Здесь все принадлежит всем, а ты проповедовал нам какое-то различие между твоим и моим. [...] Мы свободны, а ты заронил в нашу землю семена нашего будущего рабства”²⁴. Лаперузу была хорошо знакома эта идеализация “естественного человека”, свободного от “пороков цивилизации”, ставшая общим местом в современной ему литературе и публицистике. Описывая в дневнике нравы встреченных им аборигенов,

он постоянно полемизирует с некими “философами”. В литературе встречается утверждение, что под “философами”, чьих имен Лаперуз ни разу не называет, подразумевался один вполне конкретный человек, а именно Ж.-Ж. Руссо²⁵. Трудно сказать, на чем основано такое мнение. Лаперуз, наверное, не случайно все время говорит о “философах” во множественном числе. Своими оппонентами он мог видеть не одного только Руссо, но и других просветителей, в частности Вольтера или Дидро. Хотя “Дополнение к Путешествию Бугенвиля” Д. Дидро и было опубликовано только в 1796 г., но в рукописном виде этот текст распространялся в Париже уже начиная с 1773 г., так что Лаперуз имел возможность с ним познакомиться.

Споры о “добром дикаре” не обошли стороной и участников экспедиции Лаперуза. Среди них выявились две противоположные позиции: ученого и моряка. Апологетом добродетелей “естественного человека” выступил физик, минералог и метеоролог Робер-Поль, шевалье де Ламанон. В письме, адресованном морскому министру маркизу де Кастри, шевалье де Ламанон, отдавая должное научному вкладу экспедиции, в качестве главного ее достижения отмечал все же не это, а мирные отношения с местным населением: “Но что всегда будет отличать это путешествие, что составит славу французской нации в глазах философов, современников и потомков, – так это то, что мы посетили народы, считающиеся варварскими, не пролив ни одной капли крови”. Ламанон хвалил Лаперуза за его миролюбие и гуманность по отношению к аборигенам и, хотя и признавал, что “кампания, по правде, еще не окончена”, тем не менее уверенно заканчивал письмо словами: “Наше путешествие докажет миру, что французы добрые, но и естественный человек не злой”²⁶. По свидетельству Лаперуза, Ламанон в одной из бесед утверждал, что аборигены лучше европейцев. Цитированное выше письмо Ламанона было написано в январе 1787 г., а 11 декабря произошли трагические события: капитан “Астролябии” Флёрю де Лангль и вместе с ним 11 других членов экспедиции были убиты аборигенами во время высадки на острове Мауна (Тутуила, архипелаг Самоа), еще несколько человек были тяжело ранены и один впоследствии скончался от ран. Мореплаватели высадились на берег, чтобы отправиться к аборигенам за водой и провизией, и на них внезапно напали. Причины нападения не вполне ясны. Один из членов экспедиции, командовавший отступлением участников высадки в бухте острова Мауна, высказал предположение, что они спровоцировали агрессию, дав некоторым аборигенам подарки, и тогда другие – те, кто не получил подарков, – возмутились от зависти²⁷.

По мнению исследовательницы экспедиции Лаперуза Катрин Газиелло, после этой трагической истории у Лаперуза сложился “новый образ мыслей” (“le nouvel état d’esprit”)²⁸. Разумеется, он был потрясен гибелью товарищей, однако, как мне представляется, принципиального изменения в его образе мыслей в результате случившегося не произошло.

Его позиция оставалась неизменной. Записи в дневнике Лаперуза свидетельствуют о том, что уже с самого начала нравы аборигенов производили на него удручающее впечатление. Нигде он не встретил примеров “естественной морали”. Вот заметки, сделанные в феврале 1786 г., когда мореплаватели высадились на территории испанской колонии в заливе Консепсьон (вице-королевство Чили): кругом процветают лень и воровство, женщины легкодоступны, местное население представляет собой выродившуюся расу. Единственными, кто заслужил добрые слова со стороны Лаперуза, оказались поселенцы в первом поколении, приехавшие из Испании и еще не успевшие “выродиться”²⁹.

В апреле 1786 г. экспедиция приплывает на остров Пасхи. Описывая нравы населения, Лаперуз вновь отмечает воровство, испорченность, лицемерие. Об уровне “естественной морали” говорит то, что местные жители насильно приводят к кораблям 13–14-летних девочек и предлагают их за плату французским морякам. Вопреки тому, что было предписано в королевской инструкции, хорошее обращение, “мягкость и человечность” не способствовали установлению дружеских взаимоотношений с людьми, способными понимать только язык силы. Лаперуз сетует: “Мы же, напротив, приплыли на их остров, чтобы делать им добро; мы завалили их подарками; мы обласкали самых слабых, особенно грудных детей; мы засеяли их поля всевозможными полезными семенами; мы оставили в их поселениях свиней, коз и овец, кои, очевидно, будут размножаться; мы ничего не просили у них взамен, – тем не менее они забросали нас камнями и украли у нас все, что сумели унести”³⁰.

В июле 1786 г. мореплаватели высаживаются на берег Французского залива (ныне бухта Литуйя-Бей, расположенная на юго-восточном краю Аляски) и видят воровство, лень, праздность, грубые, варварские нравы местного населения. По словам Лаперуза, “образ их жизни, исключаящий всякую субординацию, ведет к тому, что ими постоянно движет страх или месть; они скоры на гнев и на расправу, и я то и дело видел, как они бросаются друг на друга с ножом в руке”³¹.

Описывая эти неприглядные картины, путешественник спорит с кабинетными философами, создавшими миф о “добром дикаре”. Умозрительному теоретизированию он противопоставляет свой без

малого 30-летний опыт мореплавания: “Философы напрасно возмутились бы этой картиной. Они пишут свои книги у камелька, а я путешествую вот уже тридцать лет; я свидетель несправедливостей и коварства народов, которых нам изображают такими добрыми, потому, дескать, что они близки к природе [...]. Как невозможно проникнуть в леса, не прореженные руками цивилизованных людей; пересечь равнины, покрытые камнями, скалами и затопленные непроходимыми болотами; так же нельзя создать общество из естественных людей, ибо это злобные и коварные варвары”³².

Лаперуз не увидел у “дикарей” никакой высокой нравственности. “Я бы согласился, наконец, если хотите, что общество не может существовать без каких бы то ни было добродетелей; но я вынужден признать, что не сумел их разглядеть: вечно в состоянии междоусобной распри, безразличные к детям, подлинные тираны своих жен, обречённых без конца делать самую тяжелую работу; я не заметил у этого народа ничего, что позволило бы мне смягчить краски нарисованной картины”, – так пишет он о североамериканских индейцах³³. В противоположность “философам” с их идеализацией высоких моральных качеств человека, пребывающего в “естественном состоянии” и не знающего о праве собственности, Лаперуз убежден, что отсутствие у туземцев четкого понятия о собственности портит их нравы; следствия этого – повсеместно встречающиеся лень и воровство.

Единственным исключением, объяснения которому он не находит, являются аборигены Сахалина и дальневосточного побережья, где мореплаватели побывали в июле 1787 г. Там Лаперуз с удивлением встретил “цивилизованный народ” (“un peuple policé”)³⁴, отличающийся “мягкостью нравов”, “деликатностью манер”, “взаимной привязанностью” и “почти религиозным” уважением к собственности³⁵. По его словам, “в полную противоположность всем нашим представлениям, мы встретили у народа охотников и рыболовов, не занимающихся никаким земледелием и не имеющих домашнего скота, манеры, в общем, более мягкие, степенные и умственное развитие, возможно, более широкое, чем у какой-либо европейской нации. Разумеется, познания у образованного класса европейцев во всем намного превосходят те, что есть у двадцати одного островитянина, с которыми мы общались в бухте Лангля: но у народа этих островов знания, в целом, распространены шире, чем среди простых классов у европейских народов; здесь кажется, что все получили одинаковое образование”³⁶. Но, правда, и здесь есть свои недостатки – нечистоплотность и нестерпимая вонь, вызванная тем, что эти народы не знают земледелия, основной продукт питания у них – лосось, объедки которого

валяются и гниют повсюду. Впрочем, Лаперуз готов отнестись к этому снисходительно, так как полагает, “что у нации, не имеющей ни скотоводства, ни земледелия, цивилизация не может подняться выше”³⁷.

Так что и до трагедии в бухте Мауна Лаперуз не ждал от аборигенов ничего хорошего. Если же говорить о переменах, произошедших в его образе мыслей под впечатлением этих событий, то изменился, во-первых, тон его высказываний о местном населении. Естественно, что под впечатлением от гибели товарищей Лаперуз начал высказываться более эмоционально, резко и с явным ожесточением. Так, например, он стал писать, “что человек почти дикий и в состоянии анархии есть существо более злобное, нежели самые дикие звери”³⁸. Во-вторых, – и это более существенно, – изменилось его представление о том, какой тактики следует придерживаться при встречах с туземцами.

После гибели капитана Лангля и его товарищей, Лаперуз раскаивался в том, что слишком точно следовал полученным инструкциям воздерживаться от применения вооруженной силы при встречах с аборигенами. Рассказывая в письме морскому министру о гибели Лангля и Ламанона, Лаперуз пишет, что они “стали жертвами своей гуманности”: они остались бы живы, если бы открыли огонь по аборигенам³⁹. Еще более резко и определенно он высказывается в письме, адресованном Флёрё, где заявляет, что “все дикари злобные”, и критикует не только “философов”, но и королевские инструкции: “Мое мнение о нецивилизованных народах сложилось уже давно; мое путешествие лишь укрепило его:

В моих опасностях, я слишком их узнал.

В то же время, я в тысячу раз больше зол на философов, столь превозносящих дикарей, нежели на самих дикарей. Несчастный Ламанон, убитый ими, говорил мне накануне своей гибели, что эти люди лучше нас. Строго соблюдая распоряжения, содержащиеся в моих инструкциях, я всегда обходился с ними с величайшей умеренностью; но признаюсь вам, что ежели мне придется совершить новую кампанию подобного рода, я буду просить других распоряжений. Мореплаватель, покидая Европу, должен смотреть на дикарей как на врагов, по правде говоря, очень слабых, коих было бы невеликодушно атаковать без причины и варварством было бы убивать, но мы вправе их предупредить, ежели у нас возникнут серьезные подозрения”⁴⁰.

Опровергая миф о “добром дикаре”, Лаперуз противопоставляет отвлеченному философствованию знание, полученное опытным путем. Но он не ограничивается описанием всего того, что увидел своими глазами. Он пытается дать объяснение увиденному, и когда начинает объяснять, у него волей-неволей возникает своя “филосо-

фия”. Объяснения он предлагает преимущественно материалистические. Во-первых, суровая природа и необходимость постоянно вести борьбу за выживание порождают грубые нравы, что хорошо видно на примере индейцев Северной Америки: “От природы столь ужасную страну должны были населять жители, столь отличные от цивилизованных народов, сколь только что описанное мною место отличается от наших вспаханных равнин: столь же грубые и варварские, сколь камениста и дика их земля, они живут на ней лишь для того, чтобы ее опустошать; ведя постоянную войну с животными, они пренебрегают всем, что произрастает вокруг”⁴¹.

Во-вторых, нравы и обычаи Лаперуз связывает с типом хозяйства. Цивилизация и нравственность возникают, когда человек переходит от присваивающего хозяйства (рыболовства, охоты и собирательства) к производящему (земледелию и скотоводству). Особое значение он придает сельскому хозяйству, которое, с его точки зрения, “делая человека домоседом, обеспечивая его пропитанием и внушая ему страх, как бы не была опустошена возделанная им земля, возможно, более, чем любое другое средство, способно смягчить нравы и сделать человека общественным”⁴².

С распространением христианства Лаперуз особых надежд не связывает: опыт работы испанских миссионеров, с его точки зрения, показал, что христианизация не приобщает индейцев к европейской цивилизации. И он признаётся, что является “больше другом прав человека, чем теологом”⁴³. А среди прав человека, способных играть цивилизующую роль, на первое место он ставит право собственности, потому что, только получив такое право, каждый индеец начнет усердно возделывать свое поле и таким образом приобщаться к цивилизации⁴⁴.

При этом туземцы не являются, в его глазах, народом, по природе своей отличным от европейцев: они такие же люди, просто исторически они стоят на более низкой ступени развития. Различия между европейцами и “дикарями” не существенное, а стадийное. Воюющие друг с другом аборигены находятся сейчас на той стадии развития, на какой европейцы находились в Средние века, когда у них было “феодальное правление”. Вот что он пишет по поводу жителей островов Океании: “Здесь также еще сохранилось феодальное правление: то правление, о коем, возможно, сожалют мелкие тираны, кое оскверняло Европу в течение нескольких столетий и чьи готические остатки сохраняются еще в наших законах, подобно медалям на память о нашем прежнем варварстве; это правление, – скажу я, – наиболее способствует сохранению жестокости нравов, ибо из-за мельчайших интересов деревня идет войной на деревню, а такие войны лишены величия и мужества;

то и дело совершаются обманы и предательства; и в этих несчастных краях встречаешь не великодушных воинов, а одних лишь убийц”⁴⁵. В своих рассуждениях Лаперуз не проводит существенного различия между стадиями “естественной”, первобытной дикости и средневекового феодального “варварства”. Та и другая выступают в его построениях прежде всего как антиподы современной европейской цивилизации.

Таким образом, осуждая кабинетную, умозрительную “философию”, Лаперуз сам не может без нее обойтись. Он наблюдает некие новые жизненные реалии, которые ему нужно вставить в существующие в его сознании интерпретационные схемы, а схемы эти заимствованы из той же просветительской “философии”. И главной из этих схем является представление о едином пути прогресса, по которому идет все человечество. С этой точки зрения, капитан Лаперуз вполне разделял как принципы, отраженные в королевских инструкциях, так и те, что исповедовал – вслед за “философами” – трагически погибший естествоиспытатель шевалье де Ламанон.

¹ Подробнее см.: *Gaziello C. L'expédition de Lapérouse, 1785–1788 : réplique française aux voyages de Cook. P., 1984. P. 11–12; De Botany-Bay à Vanikoro: Lapérouse en Nouvelle-Calédonie. Communications à l'Académie des sciences d'outre-mer le 27 mai 1988 // Mondes et cultures. P., 1988. T. 48, N 1.*

² Во время стоянки на Камчатке осенью 1787 г. он отправил одного из участников экспедиции, дипломата Ж.-Б.-Б. де Лессепа, из Петропавловска во Францию с ценным грузом, содержащим большое количество карт и путевых записей. Проехавший через всю Сибирь Лессепс тоже описал своё путешествие (*Lesseps .-B.-B. de. Le messenger de Lapérouse: Du Kamchatka à Versailles. Barbizon, 2004*).

³ *Voyage de La Pérouse autour du monde, publié conformément au décret du 22 avril 1791, et rédigé par M.L.A. Milet-Mureau, général de brigade dans le corps du génie, directeur des fortifications, ex-constituant, membre de plusieurs sociétés littéraires de Paris. A Paris, l'an VI de la République – 1798 (1797). T. 1–4.*

⁴ *Le Voyage de Lapérouse: 1785–1788: récit et documents originaux / Prés. par J. Dunmore, M. de Brossard. P., 1985. T. 1–2; Voyage autour du monde sur l'Astrolabe et la Boussole / Choix de textes, introduction et notes de H. Patris. P., 2005.*

⁵ *Voyage de La Pérouse autour du monde... T. 1. P. 22.*

⁶ *Mémoire du Roi, Pour servir d'instruction particulière au sieur de la Pérouse, capitaine de ses vaisseaux, commandant les frégates la Boussole et l'Astrolabe, 26 juin 1785 // Voyage de La Pérouse autour du monde... T. 1. P. 53.*

⁷ *Ibid. P. 25.*

⁸ *Lever E. Louis XVI. P., 1985. P. 412–413; Girault de Coursac P. et P. Le Voyage de Louis XVI au tour du monde. L'expédition La Pérouse. P., 2000.*

⁹ *Gaziello C. Op. cit. P. 76–77.* Кроме того, как подчеркивает исследовательница, нет никаких доказательств, что именно этот раздел был составлен лично королем или по его указаниям; единственный сохранившийся черновик его написан рукой Флёрё, и пометок короля на нем нет.

- ¹⁰ Mémoire du Roi... P. 49.
¹¹ Ibid. P. 45.
¹² Ibid. P. 48.
¹³ “Nous avons donné aux sauvages tout ce qu'ils ont voulu emporter... l'humanité ne me permet point de n'être pas touché de leur sort à venir” (цит. по: *Brossard M. de. Lapérouse: Des combats à la découverte.* P., 1978. P. 485).
¹⁴ Mémoire du Roi... P. 48–49.
¹⁵ Ibid. P. 36.
¹⁶ Ibid. P. 23.
¹⁷ Ibid. P. 52–53.
¹⁸ Les dépenses du voyage de Lapérouse // *Gaziello C.* Op. cit. P. 253–256.
¹⁹ *Chinard G.* Le voyage de Lapérouse sur les côtes de l'Alaska et de la Californie (1786). Baltimore, 1937; *Brossard M. de.* Op. cit.; *Gaziello C.* Op. cit.; *Bellec F.* La généreuse et tragique expédition Lapérouse. Rennes, 1985; De Botany-Bay à Vanikoro...; *Girault de Coursac P. et P.* Op. cit.; *Jacob Y.* L'énigme Lapérouse. P., 2000; *Meissner H.O.* Die verschollenen Schiffe des Lapérouse. München, 1984; *Idem.* La Pérouse, gentilhomme des mers. P., 2004.
²⁰ *Bougainville L.-A. de.* Séjour à Tahiti // *Diderot D.* Supplément au Voyage de Bougainville / Ed. de M. Delon. P., 2002. P. 139.
²¹ Ibid. P. 142.
²² Ibid. P. 37.
²³ Ibid. P. 91.
²⁴ Ibid. P. 40.
²⁵ “Совершенно очевидно, речь идет о Руссо, хотя его имени Лаперуз никогда не называет...” (“Rousseau bien évidemment est visé, sans que Lapérouse le nomme jamais”, – *Gaziello C.* Op. cit. P. 233).
²⁶ *Lamanon R.-P. de.* Des mers de Chine, 1er janvier 1787 // *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 4. P. 187–188.
²⁷ Relation de M. de Vaujuas // *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T.3. P.254–263.
²⁸ *Gaziello C.* Op. cit. P. 233.
²⁹ *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 2. P. 72–73.
³⁰ Ibid. P. 108.
³¹ Ibid. P. 216–217.
³² Ibid. P. 217.
³³ Ibid. P. 219.
³⁴ *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 3. P. 76, 108.
³⁵ Ibid. P. 99–100, 104, 108.
³⁶ Ibid. P. 74.
³⁷ Ibid. P. 108.
³⁸ Ibid. P. 238.
³⁹ *La Pérouse J.-F. de.* De Botany-Bay, 5 février 1788 // Ibid. T. 4. P. 226.
⁴⁰ *La Pérouse J.-F. de.* De Botany-Bay, 7 février 1788 // Ibid. P. 267.
⁴¹ *Voyage de La Pérouse autour du monde...* T. 2. P. 215–216.
⁴² Ibid. P. 233.
⁴³ Ibid. P. 288.
⁴⁴ Ibid. P. 289.
⁴⁵ Ibid. T. 3. P. 279.